

ДОМАШНЕВ А. И.

ТЕОРИЯ КОДОВ Б. БЕРНСТАЙНА.

ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Прошедшие два десятилетия характеризуются развитием нового направления — социолингвистики, возникшей на стыке языкознания и таких смежных дисциплин, как социология, социальная психология, этнография. Социолингвистика выступает в качестве науки, исследующей проблемы взаимоотношений и взаимообусловленности языка и общества.

Включение общественных факторов в исследовательскую практику языкознания наблюдалось еще в XIX и в начале XX вв. (В. Гумбольдт, Г. Пауль, Г. Шухардт, К. Фосслер, Б. Кроче, Л. Шпитцер, Л. Вайсгербер, а также, в особенности, ученые из Пражского лингвистического кружка) и отличало традиции советского языкознания с 20—30-х гг., когда в трудах Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, В. М. Жирмунского и других видных советских ученых закладывались основы исследовательского направления, ставшего «первым опытом построения марксистской социолингвистики» [1].

Современная социальная лингвистика, демонстрируя сохранение в языкознании научного интереса к проблеме «язык и общество», существенно отличается от своей предшественницы. Главное ее отличие состоит в том, что она формируется и развивается именно как междисциплинарное (языкознание, социология, социальная психология, этнография) лингвистическое направление, «вбирая в себя все новейшие достижения как языкознания, так и социологии и используя в органической связи лингвистические и социологические методы» [2]. Правда, следует заметить, что сформулированные так четко основные отличительные признаки современной социальной лингвистики от предшествующих ее состояний все еще продолжают оставаться нереализованной частью требований к ней, т. к. в конечном счете, как подчеркивает З. Кангиссер, речь идет о том, чтобы в рамках социолингвистики были разработаны обладающие объяснительной силой модели, с помощью которых можно было бы приступить к эмпирическим исследованиям, гарантирующим практическую релевантность. В настоящее время, заключает он, такой социолингвистики, которая обладала бы систематическим единством своей теории и практики, еще нет и следует принимать в расчет «риск неудачи» [3]. Однако независимо от того, насколько развивающаяся социолингвистика будет соответствовать тем максимальным требованиям, которые ей предъявляют, многие лингвисты сходятся в том, что сама наука о языке уже не может возвратиться к тому состоянию, которое было характерно для языкознания внутрилингвистической ориентации. Так, западногерманский лингвист Х. Яхнов подчеркивает, что низведение лингвистики в ФРГ до «досоциолингвистического» уровня «сегодня невысказуемо» [4, с. 229]. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, такой подход явился выражением назревшей реакции на то, что можно назвать послесоссюррианским структурализмом, на его сугубо внутрилингвистическую ориентацию, и, главным образом, на теорию генеративной трансформационной грамматики. Эта грамматика предельно ограничила сферу предмета лингвистики и, моделируя некое абстрактное, идеализированное понятие языка, исключила из рассмотрения любые социальные и психологические факторы, детерминирующие, как известно, реальную речевую коммуникацию. В своих

худших образцах такой подход был сформулирован Н. Хомским в его квази-аскетическом постулате об «идеальном говорящем — слушающем». Последний, согласно Н. Хомскому, пребывает «в абсолютно гомогенном языковом коллективе», который совершенно, т. е. «идеально», знает данный язык и, применяя такое знание языка в актуальной речи, не зависит от таких грамматически иррелевантных условий, как ограниченная память, рассеянность или волнение, смещение внимания и интереса, случайные или типичные языковые ошибки [5]. Было очевидно, что с помощью подобного теоретического постулата (выдвигающего на первый план некую «чистую» форму — гомогенную систему языка [6]), являющегося научной фикцией, Н. Хомский, как иронически заметил Г. Глинц [7], «слишком удобно устроился» в языкознании, что, однако, никак не способствовало развитию научной теории. С другой стороны, развитие социалингвистики обуславливает то обстоятельство, что эта дисциплина тесно связана с решением ряда важных практических проблем, возникших в послевоенный период. Речь идет о необходимости решения языковых проблем в связи с изменениями в жизни многих народов, освободившихся от колониального гнета, в связи с социально-экономическими преобразованиями в независимых странах, повлекшими за собой изменения в социальной структуре, общую демократизацию общественной жизни и включение в сферу воздействия научно-технической революции [2, с. 6]. Эти обстоятельства, способствовавшие утверждению социалингвистики, необходимо рассматривать также в контексте общественно-прагматического стимула, поскольку, как отмечает Х. Яхнов, «в последние годы в возрастающей степени ставился во всех общественных науках вопрос о практическом использовании научных результатов и их общественной пользе». «Именно развитие социалингвистики,— заключает он далее,— непосредственно пошло навстречу представлению о языкознании, полезном для общества» [4, с. 220].

*

Развитие современной социальной лингвистики в Западной Европе связывают обычно с работами английского социолога Б. Бернстайна, изучавшего, начиная с 1958 г., язык лондонских подростков. Обобщения, которые при этом последовали, касались таких важных вопросов, как язык и его структура, классы и социальные группировки общества, изоморфизм языковых и социальных структур, школьное обучение и языковое воспитание. Им же была разработана и введена в научный обиход соответствующая терминология, которая постепенно, в его собственных работах и в трудах других лингвистов, получала дополнительную интерпретацию, но в целом сохраняет свое значение до настоящего времени и нередко является средством идентификации взглядов различных авторов. Концепция Бернстайна, разработанная в местных, английских условиях, была признана в целом «репрезентативной для западных капиталистических стран» [8], и позднее эту теорию без проверки ее «методической состоятельности» стали применять в отношении языковых ситуаций, отличающихся от английской, например, в ФРГ [9, с. 258]. Став аналогом для социалингвистических программ в других странах или оказав заметное влияние на взгляды различных ученых, концепция Бернстайна, как редко какая-нибудь другая, получала различную интерпретацию ее теоретических понятий [10, S. 46]. Она уточнялась и перерабатывалась, стала поводом для разработки своеобразной контрконцепции и, в конце концов, хотя и не изжив себя до конца, стала свидетельством самой большой неудачи современной буржуазной социалингвистики.

Все начиналось с того, что для своего лингвистического эксперимента Б. Бернстайн подобрал две социально «экстремальные» группы участников. Одна группа состояла из 61 юноши в возрасте от 15 до 18 лет, проживающих в самых разных районах Лондона. Все они работали в качестве

курьеров или посыльных, никто из них не имел «среднего классического образования» (grammar school education), один раз в неделю они освобождались от работы для обязательного (compulsory) посещения колледжа, где они проходили общее непроизводительное обучение. Эта группа участников соотносится Бернстайном с социальным слоем общества — рабочим классом (working-class) [11], в частности, с его самым низшим уровнем (lower working-class), к которому он приравнивает и деревенское или сельскохозяйственное население (rural groups) [12]. Вторая группа состояла из 45 юношей такого же возраста, являвшихся учащимися шести крупнейших привилегированных закрытых частных школ (public school) Лондона. Эти ученики представляли собой «приемлемый» социальный срез состава обучающихся в таких школах, отличались стремлением к получению знаний и интересом к языковым дисциплинам. Эта группа соотносится Бернстайном с понятием среднего класса (middle class) английского общества.

На основании результатов языкового эксперимента Б. Бернстайн пришел к выводу, что между подростками из низших слоев и их сверстниками из высших слоев имеются значительные различия в отношении языковой компетенции и владения языком, т. е. в нормах языкового поведения и владения языковыми кодами. Эти различия он обозначил соответственно терминами «ограниченный код» (restricted code) и «развитый», «разработанный» или «развернутый код» (elaborated code). По мнению Б. Бернстайна, оба кода на лингвистическом уровне могут быть определены в терминах степени предсказуемости (predicting) для говорящего — какие структурные элементы будут им использованы для организации высказывания или смысла (meaning). В случае развернутого кода говорящий имеет возможность выбора из достаточно широкого набора альтернативных средств, вследствие чего возможность предсказуемости образцов (pattern) элементов построения существенно уменьшается. В случае ограниченного кода число таких вариантов или альтернатив чаще всего весьма ограничено, что повышает степень их предсказуемости в речи. В целом, с этой точки зрения, развернутый код характеризуется тем, что ему присущи синтаксические структуры предложений различной степени полноты и сложности, использование разнообразных средств связи и организации предложений (союзы, порядок слов), предлогов и др. Лексика и семантика кода разнообразны и дифференцированы, высказывание в целом носит более обобщенный, абстрактный характер. Ограниченный код, напротив, отличается тем, что предложения здесь краткие и простые, нередко синтаксически незавершенные, используется мало предлогов и союзов, придаточных предложений, ограничена лексика, высказывание конкретно, обращение прямолинейно [см. 13].

Такое представление кодов создает впечатление, и это даже подчеркивается автором, что оба кода находятся в отношениях взаимодополнения и что развернутый код формируется из ограниченного путем его дополнения и расширения. Это должно означать, что возможности синтаксически ограниченного и семантически конкретного языкового употребления содержатся в развернутом коде, в то время как ограниченный код исключает употребление синтаксически сложного и семантически дифференцированного, абстрактного языкового материала. Б. Бернстайн специально подчеркивал [12, р. 233], что ограниченный код может возникнуть в «любой точке в обществе», когда это продиктовано соответствующими условиями. При этом он различает так называемую чистую форму ограниченного кода, примерами которого могут служить различные ритуальные формы коммуникации, характеризующиеся высокой предсказуемостью использования строго ограниченных, регламентируемых правилами средств языка (речь во время церемоний, предписанных протоколом, при религиозных обрядах, приветственных обращениях на банкетах, беседах о погоде и др.). В этих условиях личные намерения сигнализируются, главным образом,

с помощью невербальных компонентов ситуации, таких, как интонация, ударение, жесты, мимика, тогда как специфическое вербальное планирование оказывается минимальным. Более распространенным вариантом ограниченного кода является, по Б. Бернстайну, предсказуемость на структурном уровне. Социальные формы отношений, порождаемые этим кодом, также достаточно разнообразны, но главное условие для его возникновения основано на одном общем наборе близких друг другу идентификаций, солидарности участников акта коммуникации, в котором подчеркивается непосредственность отношений. Такие кодовые ситуации могут возникнуть в среде детей и подростков, уголовников и деклассированных элементов (*criminal sub-cultures*), в группах военнослужащих в армейских подразделениях, лиц, долго проживающих совместно, в семейных парах и т. д. В условиях этих социальных отношений последовательность языкового общения имеет тенденцию быть хорошо организованной как на структурном, так и на лексическом уровне. Вербальное планирование оказывается достаточно ограниченным, вследствие чего невербальные компоненты (жесты, мимика) становятся главным источником указаний на изменения смысла или значения. Так называемый развернутый код, по Бернстайну, уходит корнями в форму социальных отношений, в которых резко повышается роль индивидуума в выборе из своих языковых ресурсов средств вербальной организации высказывания. Код становится, таким образом, орудием или средством (*vehicle*) индивидуальной ответственности говорящего, что обуславливает повышение функции вербального планирования и связанного с этим более высокого уровня структурной организации и лексического наполнения высказывания.

Как видно из сказанного, лица, владеющие развернутым кодом, располагают широким языковым диапазоном и могут избирательно относиться к языковым средствам в зависимости от конкретной ситуации. Они, естественно, могут пользоваться и ограниченным кодом, вплоть до его «чистых», т. е. ритуальных, форм.

Особым случаем кодовой ситуации, которым одновременно вносится фундаментальное новое положение в анализ сути вещей, является обстоятельство, когда говорящий владеет только одним ограниченным кодом, независимо от того, какую форму языкового поведения и владения предписывает та или иная ситуация общения. В дихотомии установленных кодов это означает, что если носитель развернутого кода способен переходить на ограниченный код, т. е. совершать переключение кодов (*code switching*), то носитель только ограниченного кода лишен возможности такого переключения. В таком положении оказываются не отдельные лица, а, как подчеркивает сам Б. Бернстайн, примерно 29% населения Англии, социальное положение которого определяется его принадлежностью к «низшему» слою рабочего класса, включающему и деревенское население [11, p. 35—36].

Тем самым, если лингвистическое определение понятия кодов формировалось Б. Бернстайном по мере распределения между ними элементов структуры и субстанции языка, то степень актуальной принадлежности носителей языка к тому или иному типу кода дает основание рассматривать оба кода в качестве «функций различных социальных структур» [11 p. 31]. Несколько ниже мы еще будем иметь возможность специально остановиться на исходных и итоговых положениях концепции Б. Бернстайна, поскольку без этого нельзя говорить о ее общем значении, но сейчас необходимо отметить, что в своих работах [14] он высказал ряд обобщений, которые были использованы в различных исследовательских программах. Так, в частности, подчеркивается, что речевой уровень носителей ограниченного кода оказывается недостаточным, чтобы соответствовать условиям общения с лицами более высокого социального положения и принимать участие в беседах на определенные, например, абстрактные, отвлеченные, темы. Особенно затруднено общение с различными офи-

диальными инстанциями. Создается положение, при котором носитель ограниченного кода только в кругу себе подобных имеет беспрепятственное речевое общение, а за его пределами наталкивается на трудности, которые в целом мешают любому его социальному продвижению [8, S. 201]. Наиболее тяжелым по своим последствиям оказывается то обстоятельство, что поколения таких групп в данном обществе обречены на «самопроизводство». Социопсихологи, например, утверждают, что у ребенка, воспитанного в такой языковой среде, это положение отрицательно сказывается на развитии его духовных и познавательных способностей, поскольку речь, основанная на ограниченном коде, не направлена на расширение и дифференциацию «содержания знания» и на усвоение, «тренировку» необходимых для таких целей «мыслительных и учебно-познавательных процессов» [15]. Отрицательное развитие начинается с того, что мать ребенка, владея только речевыми образцами ограниченного кода, может реагировать лишь недостаточно полно и, тем самым, тормозяще на его любопытство и интерес к познанию. Со временем, когда ребенок сам начинает говорить по неосознаваемым правилам этого ограниченного регистра языка, он «врастает в ткань специфических отношений своей субкультуры» и перенимает ее ориентации и мотивации. Все эти «тормозящие» факторы могут далее еще больше закрепиться, когда ребенок попадает в школу. Поскольку содержание учебных предметов (математика, история, литература, язык) и их преподавание ориентировано на литературный язык (развернутый код), то дети представителей «среднего класса» с самого начала оказываются в более выгодных условиях, а возникающая языковая диспропорция для детей из низших слоев приводит их к серии новых осложнений и неудач, связанных с уровнем школьных программ и их языковым обеспечением [15]. В целом, при таком подходе в теории кодов делается попытка показать, что «объективно» ограниченный код уступает развернутому, оказываясь функционально недостаточным, поэтому она стала известна среди специалистов под названием «гипотеза недостаточности» или «гипотеза дефицита» (Defizithypotese). Ситуация, при которой носители ограниченного кода оказываются не в состоянии выйти за пределы собственного речевого регистра, была определена, например, в социолингвистических дискуссиях в ФРГ как «языковые барьеры» (Sprachbarrieren) [8, S. 202—203]. Преодолеть такие «барьеры» или, таким образом, компенсировать языковой дефицит детей из низших слоев в условиях школы можно, по замыслу Б. Бернстайна и его сторонников, с помощью дополнительного, усиленного обучения развернутому коду, получившему название компенсаторного преподавания языка [16].

Такова во всех ее наиболее характерных чертах, положениях и целях теория кодов Б. Бернстайна, основанная на серии социолингвистических экспериментов и привлекающая к себе внимание специалистов в самых разных странах. Причиной оживленного обсуждения кодовой теории Б. Бернстайна вначале было, однако, не ее научное значение, а, скорее, ее прагматический аспект, оказавшийся привлекательным для нужд образования, бедственное положение которого в этот период обнажилось во многих капиталистических странах настолько, что его уже нельзя было обходить молчанием и не пытаться произвести в этом хотя бы минимальные изменения. Так, в ФРГ, учитывая политический момент, когда, как подметил И. Радтке [8, S. 203], различные политические партии выдвигали требование «социальных реформ» в стране, официальные инстанции, ведающие образованием, относительно быстро реагировали на вывод социолингвистики о социальном неравенстве детей из «нижнего класса», вследствие чего они лишены «равных шансов» с другими детьми в школе [17]. В этих условиях была подхвачена идея о «компенсаторном преподавании языка», чтобы таким путем пытаться нивелировать, т. е. подтянуть языковой уровень этих учащихся до уровня языка «среднего класса». Другое дело, что время, прошедшее с тех пор, показало полную несостоятельность та-

ких прожектов без решения кардинальных социальных проблем общества, социальную демагогию буржуазного аппарата власти. Попытки учителей и лингвистов в целом ряде школ ФРГ получить подтверждение целей «компенсаторного преподавания» следует признать, по убеждению многих, полностью неоправдавшимися [8, S. 204]. В этот же период начинается критический анализ как понятийно-терминологического аппарата концепции Б. Бернштейна, так и ее основных теоретических положений и выводов, а также прагматидидактических рекомендаций и установок.

Прежде всего, критической оценке была подвергнута интерпретация лингвистического содержания кодов. Становилось очевидным, что коды Б. Бернштейна, отличаясь друг от друга только степенью сложности и развернутости их синтаксического построения, их лексико-семантической дифференциацией по степени абстрактности и обобщенности или конкретности, не могут служить объяснением положения языкового неравенства в современном капиталистическом обществе. Далее, представление Б. Бернштейна о кодах как об отношениях части и целого, находящихся в условиях взаимодополнения, заставляет постоянно полагать, что дихотомия кодов выделяется на материале системы литературного языка. Сам автор обычно оперировал понятием стандартного или, как он говорил, культурного языка, в котором он различал нормированный (formal language) и общий, обиходный (public language) языки, позднее соотнесенные им с развернутым и, соответственно, ограниченным кодами [8, S. 201]. Но если бы дело обстояло только таким образом, то представляется сомнительным, чтобы трудности речевого общения людей можно было бы интерпретировать в терминах языковых барьеров. Дело в том, что реальная речь, и прежде всего тех социальных слоев общества, которые Б. Бернштейн соотносит с ограниченным кодом, нередко формируется не столько на основе литературного языка, пусть даже и ограниченной (restricted) его части, сколько с участием других форм существования национального языка: диалекта, полудиалекта, территориальных обиходных языков. И на самом деле, предложения типа *He ain't coming* (ср.: *He is not coming*), ср. русск.: *Он не придёт* — *Он не придет* или *He gonna write a letter* (ср.: *He is going to write a letter*), которые приводит А. Нойберт [18], упоминая о дискуссии в связи с так называемым «U-English» и «Non-U-English» («upper class English» — язык высшего класса и «non-upper class English» — язык прочих слоев общества), которая предшествовала разработке теории кодов Б. Бернштейна, нельзя рассматривать только в плане развернутости — неразвернутости (ограниченности) синтаксического построения без учета социально-языкового фактора. Это обстоятельство не могло не быть известным Б. Бернштейну и его сторонникам, однако, оно не вовлекалось ими в языковую диагностику. Так, первый последователь концепции Бернштейна в ФРГ У. Эверман в пилотном исследовании, основанном на анализе 34 школьных сочинений учащихся, из которых, пожалуй, никто не говорил без примеси диалекта, даже не поставил вопроса о том, в какой мере устанавливаемая «ограниченность» (Restringiertheit) может быть объяснена интерференцией местного диалекта, хотя это обстоятельство представляет собой такую реальность, которую нельзя не заметить [9, S. 258]. Впервые в ФРГ на роль диалекта как определенного компонента содержания ограниченного кода указал У. Аммон [19], который при этом подчеркивал, что ограниченный код и диалект не могут быть ни приравнены друг к другу, ни сведены в одно целое. По сути дела У. Аммон, как мы его понимаем, стремился к тому, чтобы констатировать, что речь носителей ограниченного кода содержит диалектные элементы. Сам диалект лишь как феномен приравнивается к роли ограниченного кода в концепции «языковых барьеров» и должен быть включен в программу целей «компенсаторного преподавания языков», если ею ставится задача обучения литературному языку и если предварительно нужно полное представление о том, где

начинается тот языковой «дефицит», который должен быть «компенсирован». У. Аммон подчеркивал, что диалект представляет собой лишь в той мере языковой барьер, в какой он позволяет беспрепятственную коммуникацию только в рамках ограниченной территории, из чего следует, что обучение литературному языку должно являться важной целью школы [20]. Одновременно он обращал внимание также на то, что диалект и литературный язык обнаруживают социально ориентированное распределение, подобно тому, как ограниченный и развернутый коды соотносятся с определенными социальными слоями общества [21].

На различие между диалектом и ограниченным кодом указывал также другой западногерманский лингвист, Г. Лефлер, который подчеркивал: «Когда мы говорим о диалекте, речь идет о типичной для данной местности и потому в некотором роде регионально-культурной языковой системе, которой противостоит другая, надрегиональная система... В соотношении язык нижнего слоя — язык высшего слоя противопоставляются... дефектный (ограниченный) и нормальный (развернутый) варианты одной и той же языковой системы» [22]. И хотя в рамках дискуссии о «языковых барьерах» требование Г. Лефлера отделить с точки зрения методики специфическое языковое употребление низших слоев общества (ограниченный код) от специфического территориального «инакоупотребления» (*Andersausstattung*), вполне корректно, все же, как нам представляется, эти системы нельзя держать совершенно изолированно, когда мы имеем дело не с постулированным понятием, а с реальным составом речи определенных групп носителей языка. Это, естественно, не должно означать, что недостатки, характеризующие ограниченный код, могут быть распространены на диалект как социо-функциональный тип в структуре национального языка.

Критика основных положений концепции Бернштейна и ее социально-дидактических рекомендаций, неудачи попыток применения идей «компенсаторного преподавания», а также самостоятельные разработки в области социальной лингвистики в США привели к отрицанию теоретической состоятельности и прагматической ценности как теории кодов в духе Б. Бернштейна, так и вытекающей из нее «гипотезы дефицита», ставшей исходным тезисом программы «компенсаторного преподавания». В противовес «гипотезе дефицита» здесь была выдвинута иная концепция, связываемая с именем У. Лабова и получившая название «концепция дифференциации» языка (*Differenz-Konzeption*). Как и гипотеза Б. Бернштейна, концепция У. Лабова исходит из признания принципиальных различий языковых и социальных структур и их взаимной обусловленности, но утверждает функциональную равноценность различных регистров языка (т. е. «кодов» по Б. Бернштейну) в реализации коммуникативных потребностей как тех, так и других социальных групп общества. В своих работах У. Лабов исходит из тезиса о том, что общество — носитель данного языка — располагает возможностью социально значащего выбора альтернативных способов говорения об одной и той же вещи. Это утверждение должно, по его мнению, являться главным тезисом социолингвистики [23]. В резолюции Американского лингвистического общества от 1971 г., принятой при активном участии У. Лабова, специально подчеркивается: «Нестандартные диалекты английского языка, на которых говорят семьи низших классов во внутренних городах Соединенных Штатов, являются вполне сформировавшимися языками, наделенными грамматической структурой, во всех отношениях достаточной для логического мышления. Противоположные заявления, принадлежащие некоторым ученым-психологам, основаны на ложной интерпретации поверхностных различий между этими диалектами и стандартным английским языком» [24]. Безусловно, У. Лабов признавал сущностную ценность литературного языка и подчеркивал, что «любой человек может претендовать на доступ к образовательной и литературной традиции того общества, в котором он сформировался, даже если большая часть этих ценностей создана людьми, чуждыми

его собственной культуре и не признающими его членом своего общества» [23, с. 13]. Однако он отвергал лицемерные попытки буржуазных социологов и социалингвистов на основе идей компенсации языкового дефицита «подавляемых групп» капиталистического общества улучшить их языковое положение. У. Лабов говорил, что социалингвистические исследования «в таких обществах представляют собой нечто вроде благотворительной деятельности, имеющей целью доказать ущербность языка несчастных бедняков и помочь им подняться до уровня образованных и процветающих сограждан» [23, с. 24].

В кругах специалистов в различных странах наибольшую поддержку получила «концепция дифференциации языка» (по Лабову): многим она представляется попыткой непредвзятого толкования социально типизированных языковых различий, поскольку не разделяет дискриминационной оценки в отношении языка «нижних классов» [8, с. 203]. Включение диалекта в круг анализа структуры речи различных социальных групп в ФРГ, которое, как уже подчеркивалось, впервые было произведено У. Аммоном и поддерживалось известным большинством исследователей, способствовало усилению критического отношения к теории кодов Б. Бернстайна, а также целям и задачам компенсаторного преподавания. У. Аммон и его сторонники вполне отдавали себе отчет в том, что литературный язык является высшим продуктом языкового развития нации и должен принадлежать ей целиком, а не осознаться в качестве своеобразного социального жаргона правящих высших слоев буржуазного общества. То, что он идентифицируется с этими социальными слоями, свидетельствует только о способе его присвоения: дело в общественных отношениях с их социальными противоречиями, дело в общественном устройстве капиталистического государства, которое «из круга носителей единого литературного и письменного языка заведомо исключает большую часть населения [25] и ограничивает социальную базу литературного языка преимущественно социально привилегированными слоями общества. С этих позиций критика концепции Б. Бернстайна, ее постулатов и прагматических устремлений оказалась сконцентрированной на идеологических и философско-методологических основах этой теории. Так, У. Аммон требует от социалингвистики обоснования данного состояния языка теорией общественного устройства, в рамках которой уровень общественного развития мотивируется соответствующим способом производства. Лишь это, по Аммону, обеспечивает познание исследуемых предметов и только теоретическое познание причин и нестабильности социо-языковых ситуаций открывает глаза на возможности принципиального изменения в этой области [10, S. 138]. При этом У. Аммон, К. Элих, Ф. Мюллер, Д. Виле и другие ученые, которых Х. Яхнов называет социалингвистами историко-материалистического направления в ФРГ, критикуют различные буржуазные социалингвистические концепции, восходящие к Б. Бернстайну, которые, хотя и точно описывают социо-языковые ситуации, не могут объяснить причины их возникновения и изменения [4, с. 224]. «Мы критикуем, — заявляют эти авторы, — социалингвистику Бернстайна и Эвермана именно за то, что они не выходят за рамки идеологии и ограниченности, свойственной буржуазному мышлению и буржуазным целям, вследствие чего их требования носят в лучшем случае образовательно-гуманистический и иллюзорно-демократический характер» [26]. Они вскрывают с достаточной глубиной лицемерие или, в лучшем случае, заблуждение, будто с помощью усиления преподавания языка можно существенно улучшить социальные перспективы нижних слоев общества. «Компенсаторное обучение» может, по их мнению, способствовать индивидуальному успеху отдельных учащихся, но оно не способно решить проблему «необходимой коллективной эмансипации низшего класса» [8, S. 204]. Не поддерживая официозных идей в отношении задач «компенсаторного обучения» и имея в виду социальные проблемы общества в целом, такие лингвисты

подчеркивают, что нельзя принимать язык за причинный фактор социально-экономического неравенства. Теория Бернштейна-Эвермана, заключающая они, опирается на иллюзию, будто школа может «нарушить порочный круг прикрепления к определенному сословию, обусловленный специфическим, свойственным тому или иному сословию социальным развитием, и тем самым стать эндогенным фактором социальных изменений» [27]. Суть несостоятельности таких ожиданий хорошо выразил В. Нипольд: «Если всерьез принимать теорию специфического языкового употребления, зависящего от социального слоя, то следует прийти к выводу, что компенсаторные программы воспитания смогут в лучшем случае уменьшить неравенство возможностей при обучении в школе и получении профессии. Но тем самым эти программы лишь смягчают симптомы, не затрагивая коренных причин общественного неравенства, т. е. производственных отношений» [28]. Оценивая теорию кодов Б. Бернштейна и ее прагматические устремления, Б. Уорф достаточно точно определил ее в качестве «идеологического продукта» высших слоев, почувствовавших угрозу своим собственным привилегиям [29].

В заключение остается сказать, что первые широкие социолингвистические начинания на основе выдвинутой гипотезы Б. Бернштейна не имели практически релевантного успеха. Западногерманский социолингвист Э. Егер в связи с этим подчеркивал, что хотя социолингвистика явилась подтверждением того, что в нашем мире имеется много нерешенных проблем, ее собственный вклад в изменение общества оказался «очень незначительным». Задача в области социолингвистики, например, в ФРГ, теперь состоит в том, чтобы попытаться, как с горькой иронией замечает ученый, «отменить» (*rückgängig machen*), т. е. нейтрализовать последствия ее собственных результатов на практику жизни [29, S. VI].

Одним из фундаментальных выводов относительно становления социолингвистической теории является признание того, что построение строгой научной концепции оказывается невозможным без обращения к марксистской теории общества. О притягательной силе марксистской философии свидетельствует также новый интерес к теоретико-языковым представлениям марксистских классиков, который отчетливо определился у социолингвистов в таких крупнейших капиталистических странах, как США, ФРГ, Франция, Италия и др. [4, с. 225; 30, 31]. Именно на такой основе может быть достигнуто сущностное систематическое единство современной социальной лингвистики, охватывающей течения в этой области языкознания в различных странах, о желательности объединения которых говорил американский социолингвист У. Лабов [23, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М. М. У истоков советской социальной лингвистики.— Иш. яз. в шк., 1972, № 4, с. 3.
2. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М. 1978, с. 6.
3. Kanngießer S. Bemerkungen zur Soziolinguistik.— In: Gegenwartssprache und Gesellschaft, Düsseldorf, 1972, S. 83.
4. Яхнов Х. Развитие и проблемы социолингвистики в ФРГ.— В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 229.
5. Chomsky N. Aspekte der Syntax-Theorie. Frankfurt-am-Main, 1969, S. 13.
6. Белл Р. Т. Социолингвистика. Методы, цели, проблемы. М. 1980, с. 37—38.
7. Glinz H. Linguistik und Gesellschaft.— In: Neue Grammatiktheorien und ihre Anwendung auf das heutige Deutsch (Schriften des Instituts für deutsche Sprache, Bd. 20). Düsseldorf, 1972, S. 212.
8. Radtke I. Soziologische Untersuchungen sprachlicher Variation und ihre Folgerungen für den Sprachunterricht.— In: Beiträge zu den Sommerkursen 1975. Goethe-Institut München. München, S. 201.
9. Rein K. L., Scheffelman-Mayer M. Funktion und Motivation des Gebrauchs von Dialekt und Hochsprache im Bairischen.— Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Wiesbaden, 1975, Hf. 3.
10. Ammon U. Probleme der Soziolinguistik. Tübingen, 1977.

11. *Bernstein B.* Linguistic codes, hesitation phenomena and intelligence.— *Language and Speech*, 1962, v. 5, pt. 1, p. 36.
12. *Bernstein B.* Social class, linguistic codes and grammatical elements.— *Language and speech*, 1962, v. 5, pt. 4, p. 233.
13. *König W.* dtv-Atlas zur deutschen Sprache. München, 1978, S. 137.
14. *Bernstein B.* Elaborated and restricted codes: their origins and some consequences.— *The ethnography of communication*. American anthropologist. Special publication, 1964, v. 66, N 6, pt. 2, p. 55—69.
15. *Schönbach P.* Zur Problematik der Sprachbarrierenforschung: Perspektiven eines Sozialpsychologen.— In: *Gegenwartssprache und Gesellschaft*. Düsseldorf, 1972, S. 71—73.
16. *Jäger S.* Arbeitsbericht der Gruppe «Kompensatorischer Sprachunterricht (Sprachbarrieren)».— In: *Gegenwartssprache und Gesellschaft*. Düsseldorf, 1972, S. 115—117.
17. *Bernstein B.* Elaborated and restricted codes: an outline.— *Sociological Inquiry*, 1966, v. 36, pt. 2, p. 254—261.
18. *Нойберт А.* К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики.— В кн.: *Актуальные проблемы языкознания ГДР*. М., 1979, с. 51.
19. *Ammon U.* Dialekt, soziale Ungleichheit und Schule. Weinheim, 1972.
20. *Ammon U., Simon G.* Zur sozialen Verteilung von Dialekt und Einheitssprache.— *Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft: Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972*. München, 1974, S. 339.
21. *Ammon U.* Zur Relevanz der Soziolinguistik für die Sprachbehindertenpädagogik.— In: *Sprachrehabilitation durch Kommunikation*. München — Basel, 1975, S. 42.
22. *Löffler H.* Mundart als Sprachbarriere.— *Wirkendes Wort*, 1972, Bd. 22, 1972, S. 25.
23. *Лабов У.* Единство социолингвистики.— В кн.: *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976, с. 21.
24. Резолюция Американского лингвистического общества 29 декабря 1971 года.— В кн.: *Социально-лингвистические исследования*. М., 1976, с. 27.
25. *Лангнер Х.* Пласты языка и социальные слои. К вопросу о влиянии социальных факторов на языковое употребление.— В кн.: *Актуальные проблемы языкознания ГДР*. М., 1979, с. 110.
26. *Ehlich K., Hohnhäuser I., Müller F., Wiehle D.* Spätkapitalismus — Soziolinguistik — Kompensatorische Spracherziehung.— *Kursbuch*, 1971, Bd. 24, S. 33.
27. *Oevermann U.* Sprache und soziale Herkunft. Ein Beitrag zur Analyse schichtenspezifischer Sozialisationsprozesse. 2. Aufl. Frankfurt/Main, 1972, S. 25.
28. *Niebold W.* Sprache und soziale Schicht. Darstellung und Kritik der Forschungsliteratur seit Bernstein. 5. Aufl. Berlin, 1972, S. 71.
29. *Probleme der Soziolinguistik*. Hrsg. von Jäger S. Göttingen, 1975, S. 39.
30. *Ammon U.* Begriffsbestimmung und soziale Verteilung des Dialekts.— In: *Grundlagen einer dialektorientierten Sprachdidaktik*. Hrsg. von Ammon U., Knoop U., Radtke J. Weinheim-Basel, 1978, S. 49—71.
31. *Grassi C.* Von der Sprachgeographie zur Soziolinguistik.— *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 1980, Hf. 2, S. 155.